

Шляков Алексей Владимировичкандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Тюменского индустриального университета**ВЛАСТЬ В ПАРАДИГМЕ
ПОСТМОДЕРНА****Аннотация:**

Статья посвящена рассмотрению изменений, происходящих в понимании власти гуманитарным дискурсом при переходе общества к парадигме постмодерна. Опираясь на работы французских постструктуралистов, автор обозначает перемещение власти из социальной в языковую реальность. Констатируется утрата властью институционального основания и substantialности, а также обнаруживается деперсонализация власти в постмодерне. Показаны коммуникативные принципы власти в обществе постмодерна.

Ключевые слова:

постмодерн, парадигма, власть, деперсонализация власти, язык, языковые клише, коммуникация, общество, гуманитарный дискурс постмодерна.

Shlyakov Alexey Vladimirovich PhD in Social Science,
Assistant Professor, Liberal Arts Department,
Tyumen Industrial University**POWER IN THE POSTMODERN
PARADIGM****Summary:**

The article discusses the changes of power concept interpretation in the framework of humanitarian discourse in the context of the transition of the society to the postmodern paradigm. Basing upon the works of French post-structuralists, the author outlines the shift of the power from the social reality to the linguistic one. The author believes the power has lost its institutional foundation and substantiality, and is depersonalized in the context of postmodernity. The communicative principles of the power in the postmodern society are described.

Keywords:

postmodernity, paradigm, power, depersonalization of power, language, linguistic clichés, communication, society, humanitarian discourse of postmodernism.

Глобальные перемены, происходящие в мире в настоящее время, уже не могут быть объяснены только с помощью классической метафизики. Мир перестал быть современным. Сегодня может идти речь о вступлении в новую парадигму, парадигму постмодерна, которая не только затрагивает литературу, искусство, философию, но и обнаруживает себя в глобальной экономике и политике. Постмодернистский дискурс представляет собой авангард западноевропейской мысли, направленной на ненаступившую реальность, который базируется на следующих основных принципах: отрицание структурности, линейности и иерархии любого пространства (утверждение ризомы); отрицание линейности времени (причинной связи между прошлым, настоящим и будущим); отрицание оппозиции противоположностей; отрицание диктатуры детерминизма и провозглашение случайных сингулярностей. Основным вопросом политической сферы общества – это вопрос власти. Представители постмодерна достаточно часто в своих трудах уделяли внимание проблеме власти.

Ж. Деррида развернул активную борьбу с проявлением власти, которая, по его мнению, спрятана в языке. Реализуя разработанный метод деконструкции, он пытался выявить тайные иррациональности, мифы научного дискурса вообще и политики в частности. Ж. Деррида утверждает наличие в любом тексте устойчивых языковых клише, которые, в свою очередь, порождают интеллектуальные стереотипы, свойственные той или иной исторической эпохе [1]. Смещая центр изучения власти в семантическое поле, Ж. Деррида объединяет в нем объективное и субъективное, текстовую реальность и субъективную интерпретацию, что приводит к идее «смерти автора», диктатора, навязывающего свои смыслы читателю. Текст признается открытым для внесения смыслов и множества прочтений, а некая объективность (мысль автора) признается мифом, который должен быть отвергнут каждым субъектом. Деконструкция призвана показать значение языка при создании эталонов, стандартов мышления. Этот метод направлен на выявление власти там, где она менее всего заметна.

Однако остается открытым вопрос, что же такое власть и что следует понимать под властью. Пытаясь ответить на эти вопросы, М. Фуко выявил зависимость и подчинение поведенческих актов человека дискурсивным стереотипам определенной исторической эпохи. Через создание норм и запретов происходит внедрение в сознание социальных масс определяющих языковых клише, которые помогают формировать лояльное отношение к власти.

М. Фуко выносит власть из правового поля, лишает институционального основания и погружает в игровую реальность общественного пространства, определяя ее как систему приложения силы к определенной точке социального поля. Власть не принадлежит сегодня группе людей

или отдельному индивиду, она обращена на саму себя. Во власти сегодня отсутствуют субъект подчинения и объект господства. Теперь декларируется не только «смерть автора», но и «смерть субъекта». Власть теряет свою субстанциональность и становится деперсонифицированной. Она представляет собой межсубъектное взаимодействие между людьми «...и подразумевает множественные отношения силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации» [2, с. 192].

Власть в ситуации постмодерна приобретает новые свойства: дисперсность и разнородность. Она рассеивается между разными силовыми центрами, будь то врачи, учителя, полицейские. Власть трансформируется в некий принцип, отражающий неравновесные связи, возникающие в определенное время, в конкретном месте. За ней располагаются многовариантность отношений и отсутствие универсального атрибута. «Это уже не субъект, не группа индивидов, не институт, не потенциальная сила, а имя для обозначения сложной ситуации в социуме» [3, с. 193].

Еще более категорично отзывается о власти в состоянии постмодерна Ж. Бодрийяр, утверждающий, что власть не только рассеялась, но и смогла превратиться в своего антагониста, после чего устранилась. Умер не только автор и субъект, но и сама власть. Ее уже нельзя рассматривать в системе связи «желание – подавление». То, что сегодня воспринимается как действие силы, проявление власти, есть лишь симулякр, во власти не осталось самой власти [4]. Обозначенные М. Фуко сближение, соединение власти, знания и секса есть декларирование гибели и знания, и власти, и секса. То, что наполняло эти термины смыслом, придавало им силу, ставя в оппозицию друг к другу, в постмодерне истощило их самость. Власть рассеялась, и это несет гибель всему социальному телу как таковому. Единственный способ понять власть – это признать ее обратимый характер. Обратимость власти подразумевает размытие границ между начальником и подчиненным, между тем, кто проявляет власть, и тем, над кем она проявляется. Обратимость табуирует однонаправленность власти, в ней скрыт соблазн, влечение к хаосу, к пустоте, к смерти. Циклическая обратимая власть превращает реальность в знак, в симулякр и в пустоту, которая способна поглотить все возможные знаки. Благодаря тому, что соблазн конечен, смертен, это делает его более привлекательным, чем власть, мечтающая о собственной необратимости. Власть привлекательна, только если бросает вызов сама себе [5].

Ж. Бодрийяр уподобляет власть в постсовременном мире иллюзии, симуляции, фантому, у которого нет реального объекта. Обладание властью в постмодерне – это возможность захвата пространства, которое симуляционно. Она иллюзорна, и в этом ее сила.

Исследование власти в поле языковой деятельности человека продолжили сторонники теории коммуникаций, однако их подход к осмыслению власти несколько иной, чем у постструктуралистов. Коммуникация понималась ими как основа социального бытия. Установить границы рационального мышления через языковые пределы пытался Л. Витгенштейн. Он выявил ситуативность, вариативность языка и его зависимость от контекста.

Власть и коммуникация становятся двумя категориями, которые создают вектор гуманитарного дискурса постмодерна. Язык рассматривается как орудие доминирующей идеологии, пытающееся установить свою власть. Коммуникация – это поле борьбы за власть. Нормы и запреты не могут быть рационально объяснены, так как они являются лишь следствием борьбы за власть. Язык выступает как поле постоянной борьбы за господство [6].

Ю. Хабермас утверждал связь между общественной жизнью и языковой деятельностью, полагая, что любая социальная активность связана с процессом понимания [7]. Коммуникация должна иметь рациональное основание, благодаря которому снимется непонимание, конфликты, связанные с субъективностью утверждений, и может быть достигнуто соглашение. Для этого Ю. Хабермас акцентирует внимание на аргументации говорящего человека, которую он противопоставляет применению силы, а рациональность призвана регулировать степень явного или тайного присутствия власти в коммуникации [8].

В состоянии постмодерна власть уже не может рассматриваться институционально, изменилось представление о природе и сущности власти. Постмодерн выявил процессуальность и интересубъектность отношений власти. Она не является собственностью того или иного индивида, а проявляется в виде группового взаимодействия. Происходит отождествление коммуникации и власти. Если «игра истины» не опосредована властью, то такая коммуникация невозможна. Сама власть также проявляется через социальное коммуницирование. Любая речевая позиция может трансформироваться под явным или скрытым воздействием власти. Но это является необходимой данностью человеческого существования, поэтому нужно вооружиться ценностно-нравственным ориентиром, который поможет минимизировать вмешательство власти в языковую реальность.

Власть в ситуации постмодерна воспринимается существенно по-другому, чем трактовали ее в парадигмах премодерна (Платон) и модерна (Маркс). Эта власть использует иные (ненасиленные) рычаги воздействия на человека, вызывая добровольное симуляционное подчинение. Сегодня ее можно обнаружить в самых неожиданных пространствах: социальном, сетевом, лингвистическом. Подчинение власти уже не воспринимается как акт насилия, а переживается как естественная данность, необходимая для жизни в обществе. Власть через символическое принуждение прививает стереотипное поведение, речь и образ мышления. Власть создает определенный код коммуникаций, с ориентацией на который и происходит его прочтение. Опираясь на этот код, власть пытается осознать свое положение в социуме и создает клише по рефлексии власти.

Ссылки:

1. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. 512 с.
2. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. 448 с.
3. Там же. С. 193.
4. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. 96 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. 240 с.
6. Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 130–141.
7. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. 72 с.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. М., 2001. 417 с.

References:

- Baudrillard, J 2000, *Forget Foucault*, St. Petersburg, p. 96, (in Russian).
Baudrillard, J 2015, *Simulacra and Simulation*, Moscow, p. 240, (in Russian).
Derrida, J & Avtonomova, N (transl.) 2000, *Grammatology*, Moscow, p. 512, (in Russian).
Habermas, J 2001, *Involvement of another. Essays on Political Theory*, Moscow, p. 417, (in Russian).
Habermas, J 2005, *Political work*, Moscow, p. 72, (in Russian).
Foucault, M 1996, 'The will to knowledge', *Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let*, Moscow, p. 448, (in Russian).
Ushakin, SA 1996, 'After Modernism: the language of power, or the power of language', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 130-141, (in Russian).